Юный король

Был вечер накануне дня, назначенного для его коронации, и юный король остался один в своей великолепной комнате. Все его придворные попросили позволения удалиться, поклонились до земли, согласно этикету, и ушли в большую залу дворца, чтоб получить кое-какие последние указания от церемониймейстера.

Шестнадцатилетнего короля нисколько не огорчил их уход. Он со вздохом облегчения бросился на мягкие подушки своей расшитой постели и лежал на ней, с недвижным взглядом и с широко раскрытым ртом, как лесной зверек, только что захваченный охотниками.

И правда, именно охотники нашли его; они напали на него случайно, когда он, полуголый, с свирелью в руке, шел за стадом коз бедного пастуха, сыном которого он всегда считал себя. Он был ребенок единственной дочери старого короля, плод ее тайного брака с человеком много ниже ее по происхождению — иностранцем, волшебною силой своей лютни заставившим принцессу полюбить себя; по словам других, это был художник из Римини, которого чтила принцесса и который внезапно исчез, оставив недоконченным произведение, над которым он работал в кафедральном соборе. Всего восьми дней ребенка отняли у матери, когда она спала, и вручили на попечение одному крестьянину и его жене, не имевшим детей и жившим в отдаленной части леса. Печаль, зараза, как объявил придворный врач, — или, как предполагали некоторые, сильный итальянский яд, поднесенный в вине, убили скорее, чем через час после пробуждения, бледную принцессу, которая произвела его на свет; в ту минуту, как верный посланный, увезший ребенка на луке своего седла, соскочил со своей уставшей лошади и постучал в грубую дверь пастуха, тело принцессы было опущено на дно ямы, вырытой на заброшенном кладбище, далеко от городских ворот, в могилу, где лежал уже, как говорили, труп молодого чужеземца, невыразимо прекрасного с руками, связанными веревкою за спиною, и с грудью, покрытой множеством ран.

Так, по крайней мере, рассказывали на ухо, потихоньку. Несомненно было то, что старый король, на своем смертном ложе, вынужденный упреками совести вспомнить свою вину, или же просто не желая, чтоб королевство перешло в чуждые руки, велел отыскать мальчика и в присутствии совета признал его своим наследником.

И казалось, что с самой минуты признания мальчик обнаружил признаки этого странного влечения к красоте, которое должно было иметь такое громадное влияние на всю его жизнь. Те, кто сопровождал его по покоям, назначенным ему, часто говорили о восклицаниях, срывавшихся с его губ, когда он видел красивые одежды и богатые драгоценности, приготовленные для него, и о радости, почти дикой, с какою он сбросил с себя свою грубую кожаную рубашку и свой тяжелый плащ из бараньей шкуры. Иногда, конечно, ему недоставало прекрасной, свободной лесной жизни, и его раздражал скучный придворный церемониал, занимавший столько часов каждый день. Но чудесный дворец — Радость было его имя, хозяином которого он был теперь, казался ему новым миром наслаждений, созданных для него, и лишь только он мог вырваться из совета или из залы аудиенций, он сбегал по большой лестнице с золочеными бронзовыми львами и сверкающими порфировыми ступенями и бродил из залы в залу, из коридора в коридор, как бы пытаясь отыскать в созерцании прекрасных вещей лекарство от своих печалей, утешении для своего выздоровления.

В этих путешествиях, как он называл свои прогулки но дворцу, — действительно, это было для него настоящими путешествиями в стране чудесь, иногда его сопровождали стройные пажи со светлыми волосами, в волнующихся плащах, с весело развевающимися лентами. Но чаще он ходил один, чувствуя, гак сказать, инстинктивно, как бы проникновением, что тайны искусства лучше постигаются в одиночестве, и что красота, как и мудрость, глубже созерцаются в уединении.

О мальчике рассказывали удивительные истории. Говорили, что один толстый бургомистр, мнившийся поднести велегласный адрес от своих сограждан, застал его на коленях, в молитвенном положении, перед большой картиной, присланной из Венеции. Другой раз он пропал на много часов, и после долгих поисков его нашли в маленькой комнате северной башенки дворца, созерцающим, точно в экстазе, драгоценный греческий камень, изображавший Адониса. Видели его осыпающим горячими поцелуями мраморный лоб древней статуи, отрытой в русле реки при постройке моста и изображавшей, как гласила подпись, вифинского раба Адриана. Он проводил целые ночи, наблюдая игру лунного света на серебряной статуе Эндимиона.

Все редкие и драгоценные вещи прямо-таки очаровывали его, и, в своем непреоборимом желании приобрести их себе, он посылал в чужие земли; то — чтобы купить янтарей у суровых рыбаков Северного моря; то в Египет — отыскать эту удивительную зеленую бирюзу, которая находится только в могилах фараонов и которой приписывают магические свойства; то в Персию

за шелком и глиняными сосудами; то в Индию за газом, слоновой костью, лунным камнем, за нефритовыми браслетами, за сандаловым деревом, за голубою эмалью и за тонкими шерстяными шалями.

Больше всего занимаю его однако платье, которое он должен быль надеть в день коронации, порфира, тканая золотом, и корона, осыпанная рубинами, и скипетр, украшенный рядами жемчуга. О нем он и думать в этот вечер, лежа на своей великолепной постели и глядя на толстое сосновое полено, тлевшее в открытом камине. Рисунки, созданные самыми знаменитыми художниками того времени, были представлены ему уже несколько месяцев тому назад, и он приказал работать и день и ночь, чтоб выполнить их: надо было объездить весь свет, чтоб найти драгоценности, достойные украсить платье. Он мысленно видел себя стоящим перед главным алтарем кафедрального собора в роскошном королевском облачении: улыбка рождалась н замирала на его юных устах и озаряла его глаза, темные как лес.

Помечтав несколько минут, он поднялся с постели и, облокотившись на резной колпак камина, осмотрелся вокруг себя. Полумрак уже проник в залу. Стены были покрыты богатыми коврами, изображавшими триумф красоты. Громадный шкап с инкрустациями из агата и ляпис-лазури занимал угол, а лицом к окну помещался маленький шкапчпк с лакированными дверцами, усыпанными золотом; на нем стояло несколько тонких бокалов из венецианского стекла и ониксовый с темными жилками кубок. Бледные маки были вышиты на легком шелковом покрывале постели, точно они были брошены туда рукою, расслабленною сном, и высокие, тонкие колонки слоновой кости поддерживали балдахин, над верхушкой которого поднимались густые султаны страусовых перьев, белых, как пена. Старинная статуя Нарцисса, зеленой бронзы, держала над головою зеркало. На столе — низенький аметистовый кубок. В окно можно было видеть громадный купол собора, смутно выделявшийся, как огромный шар, над домами, терявшимися в тени. Далеко-далеко, во фруктовом саду пел соловей. Легкий аромат жасмина проникал в открытое окно. Юноша отбросил со лба свои черные кудри и, взяв лютню, перебирал пальцами струны. Его веки закрывались, тяжелели, и какая-то необыкновенная слабость овладела им. Никогда до этого он нс чувствовал так проникновенно, так утонченно все чары красоты.

Когда башенные часы пробили полночь, он позвонил, и вошли пажи. Они с большой церемонией раздели его, полили ему на руки розовой воды и осыпали цветами подушку. Почти сейчас же, как только они ушли из комнаты, он заснул.

И он видел сон.

Ему снилось, что он находится в длинной, низенькой мансарде, наполненной шумом и стуком многочисленных рабочих. Слабый утренний свет проникал в решетчатые окна, и при нем видны были исхудалые липа ткачей, склонившихся над своею работой. Бледные, болезненные дети сидели на корточках.

Когда челноки пролетали по основе, дети поднимали тяжелые поперечные брусья, а когда челноки останавливались, они опускали брусья и собирали нити. Лица их были истощены мучениями голода, и слабые руки их дрожали. Несколько женщин с угрюмыми глазами сидели за столом и шили. Ужасный запах заражал всю комнату. Воздух был тяжелый и нездоровый; сыростью веяло от стен.

Юный король подошел к одному из ткачей, остановился и стал смотреть на него.

И ткач поднял на него свои глаза, полные злобы.

— Что ты смотришь на меня? Ты шпион, присланный нашим хозяином подглядывать за нами?

— Кто твой хозяин? — спросил юный король.

— Наш хозяин, — с горечью ответил ткач: — совсем такой же человек, как и я. Разве только одна разница между нами: он носит тонкое платье, а я в лохмотьях; да еще я ослаб от того, что еды не хватает, а он, напротив, хворает от того, что слишком много ест.

— Все свободны в стране, — сказал юный король: — и никто не может сделать тебя своим рабом.

— На войне, — возразил ткач: сильный подчиняет слабого, а в мирной стране -богатый бедного. Мы принуждены работать, чтобы жить, а нам дают такую ничтожную плату, что мы умираем. Мы работаем на хозяев круглый день, а они загребают золото в свои сундуки. Наши дети хиреют и умирают раньше времени, и лица тех, кого мы любим, грубеют и дурнеют. Мы возделываем виноград, а другой пьет вино. Мы сеем хлеб, а наш стол пуст. Мы носим цепи, хотя ничей глаз и не видит их; мы рабы, хотя и называют нас свободными людьми.

— И все так?

— Да, и все так! — ответил ткач: — молодые и старые, женщины и мужчины, малые дети и старики. Купцы притесняют нас, и мы принуждены

повиноваться им. Никому нет дела до нашей участи. По нашим переулкам, лишенным солнца, бродит Нищета с голодными глазами, и Порок с озверелым лицом идет следом за нею. Несчастье утром будит нас, и Стыд сидит рядом с нами вечером. Но что тебе за дело до всего этого? Ты не из наших, ты кажешься очень счастливым.

И он с раздражением отвернулся от него и перебросил челнок поперек основы; юный король заметил, что ткут золотыми нитями.

Сильный ужас охватил его, и он спросил ткача:

— Что вы работаете?

— Порфиру для коронации юного короля! — ответил ткач. — Но почему ото интересно тебе?

Юный король вскрикнул и… проснулся в своей комнате; в окно видна была бледная луна, плывшая по темному небу.

Король опять заснул и видел новый сон.

Ему казалось, что он лежал на палубе громадной галеры, на которой гребли веслами сотни рабов. На ковре, рядом с ним, лежал хозяин судна. Он был черен, как черное дерево, и голова его повязана ярко-красной шелковой чалмою. Большие серебряные кольца были продеты в мясистые уши, и в руках он держал весы.

Никакой одежды не было на рабах, кроме лохмотьев, служивших передником, и каждый из них был прикован к своему соседу. Палящее солнце пекло их; негры ходили между ними и стегали их ременными плетьми. Они вытягивали свои тощие руки и налегали на тяжелые весла, врезавшиеся в волны. Брызги вздымались над веслами.

Наконец они доплыли до маленького залива и стали измерять глубину воды. Легкий ветерок налетел с берега и покрыл и палубу, и широкий парус тонкою красною пылью. Три араба подскочили к берегу и бросили копья в сторону судна. Хозяин галеры взял раскрашенный лук и стрелою пронзил горло одному из арабов. Он тяжело свалился в прибрежные волны, а его товарищи ускакали. Женщина в желтом покрывале медленно поехала за ними следом на верблюде, иногда оборачиваясь к трупу.

Лишь только бросили якорь и убрали паруса, негры опустились в трюм и вынесли оттуда длинную веревочную лестницу с привязанным свинцовым грузом. Хозяин галеры перебросил ее через борт, прикрепив концы к двум

железным стойкам. Тогда негры взяли самого молодого раба и сняли с него цепи: они старательно заткнули ему ноздри и уши воском и привязали ему к поясу тяжелый камень. Он с трудом спустился по веревочной лестнице и исчез в море. Вода слегка взволновалась в том месте, где он нырнул. Некоторые рабы с любопытством смотрели через борт. На носу галеры негр монотонно колотил по барабану, отгоняя акул.

Через некоторое время молодой раб показался из воды и. совсем задыхаясь, вскарабкался но лестнице, держа в правой руке жемчужину. Негры схватили жемчужину и опять отослали раба в воду. Остальные рабы тяжело дремали над веслами. Снова и снова поднимался водолаз, принося каждый раз красивую жемчужину. Хозяин галеры вешал их и клал в мешочек из зеленой кожи.

Юный король хотел говорить, но язык точно прилипал к нёбу, и губы отказывались шевелиться. Негры болтали и спорили между собою о каком-то ожерелье из блестящих жемчужин. Две птицы кружились над галерой.

Наконец водолаз поднялся последний раз, и жемчужина, которую принес он, была прекраснее всех прочих жемчужин, потому что была кругла, как полная луна, и блестела сильнее утренней звезды. Но лицо водолаза было страшно бледно, и, когда он упал на палубу, кровь хлынула из его ноздрей и ушей. Он вздрогнул раз, другой — и испустил дух. Негры подняли его за плечи и выбросили тело за борт.

Хозяин галеры засмеялся и подошел, чтоб взять жемчужину. Осмотрев ее, он приложил к своему лбу и склонился. — «Эта пойдет на скипетр юному королю!»

Юный король вскрикнул и… проснулся. В окно видно было, как серые, хищные пальцы рассвета срывали с неба увядшие звезды.

И он снова заснул и вновь видел сон.

Он видел себя в полумраке леса с странными плодами и Красиными ядовитыми цветами. Змеи шипели на него, и попугаи, сверкая хохолками, с криком перелетали с ветки на ветку. Громадная черепаха спала в раскаленном песке. Стаи обезьян и павлинов ютились на деревьях.

Он шел, все шел и скоро добрался до лесной опушки. И там он увидел многое множество людей, работавших в русле, осушенной реки. Они карабкались на скалы, как муравьи, они глубокими колодцами врезались в землю и спускались туда. Одни дробили скалы тяжелыми молотами, другие разрывали

песок. Они вырывали корни кактусов и топтали кроваво-красные цветы. Это была непрерывная работа, и никто ни минуты не оставался праздным.

Смерть и Жадность из мрачной пещеры смотрели на них, и Смерть сказала:

— Я устала. Дай мне треть этих людей, чтобы мне можно было уйти отсюда.

Но Жадность потрясла головою.

— Они мои слуги! — ответила она.

И Смерть сказала ел:

— Что у тебя в руке?

— Три хлебных зерна. Почему тебя интересует это?

— Дай мне одно, — попросила Смерть: — чтобы я могла посеять его в своем саду, только одно! II потом я уйду отсюда.

— Ничего я не хочу дать тебе! — ответила Жадность и спрятала руку в складках платья.

И Смерть захохотала, взяла кубок и погрузила его в воды болота, и из кубка вышла Лихорадка. Она прошла по толпе, и треть людей нала. Холодный туман следовал за нею, и водяные змеи пресмыкались по стонам ее.

II когда .Жадность увидела, что умерла третья часть людей, она стала колотить себя в грудь и плакать; она колотила себя по неплодной груди и кричала:

— Ты погубила треть слуг моих. Уходи туда! Война идет в горах Татарии, и повелители двух ратей призывают тебя. Афганцы убили черного быка и готовятся на битву. Они бряцают копьями по своим щитам и надели железные шлемы. Что заставляет тебя оставаться в моих владениях? Иди туда, говорю я тебе, и не возвращайся больше сюда.

— Нет, — возражала Смерть: — пока ты не отдашь мне одного ржаного зерна, и не уйду!

Но Жадность крепко сжала руку и ответила, стиснув зубы:

— Ничего ты не получишь!

И Смерть захохотала и взяла черный камень, и бросила его в лес. Из порослей ядовитых растений вышла Горячка в пламенных одеждах. Она пошла по

людям, и все, до кого коснулась она, умерли. Трава, по мере того, как она шла, увядала под ее ногами.

И Жадность затрепетала и посыпала свою голову пеплом.

— Ты жестока, ты жестока! Голод царит в селениях Индии, и водоемы Самарканда пересохли. Голод царит в селениях Египта, и саранча налетела из пустыни. Нил не разлился, и жрецы проклинают Изиду и Озириса. Иди к тем, кто имеет нужду в тебе, и оставь мне моих слуг!

— Нет, — ответила Смерть: — пока ты не дашь мне одного ржаного зерна, я не уйду отсюда.

— Не дам тебе ничего! — сказала Жадность.

И опять Смерть захохотала. Она свистнула в пальцы, и летящая по воздуху женщина спустилась. На лбу ее было написано: «Я Чума». Стаи тощих ястребов метались вокруг нее. Она накрыла долину своими крыльями, и не осталось больше ни одного живого человека.

И Жадность с пронзительными криками убежала в лес, а Смерть вскочила на свою красную лошадь и поскакала быстрее ветра.

И из ила, в конце долины, выползли драконы и страшные чешуйчатые твари; шакалы рыскали по песку, поднимая свои морды, обнюхивая ветер.

И юный король заплакал и сказал:

— Кто были эти люди и чего искали они?

— Они искали рубинов для короны короля! — ответил кто-то сзади него.

И юный король затрепетал, обернулся и увидел человека в одежде странника, с зеркалом в руке.

И он побледнел и спросил:

— Какого короля?

И странник ответил:

— Посмотри в это зеркало, и ты увидишь ото.

Он взглянул в зеркало и, увидя свое, собственное лицо, громко вскрикнул. Когда он проснулся, ослепительный свет солнца заливал комнату, и в саду пели птички.

В это время к королю входили кастелян и старшие чипы двора, и пажи несли ему златотканую порфиру. И он сказал вельможам:

— Унесите все эти вещи, потому что я не надену их.

Придворные были ошеломлены; некоторые стали смеяться, думая, что это шутка.

Но он снова обратился к ним сурово и сказал:

— Унесите все это, уберите прочь с глаз моих! Хотя это и день моего коронования, и не надену их. Потому что на станке Скорби и бледными руками Страдания соткана была эта порфира. Кровь в сердце рубинов и смерть в сердце жемчужины.

И он рассказал им свои три сна.

И, выслушав это, придворные стали переглядываться и тихо говорить друг другу: «Он, должно быть, помешался, потому что сон есть только сон, видение — не что иное, как видение. Это не действительность, на которую стоило бы обращать внимание. Что нам за дело до жизни тех, кто работает для нас? Разве мы не пьем вино, не говоривши с виноградарем, разве мы не едим хлеб, не видавши сеятеля?»

И кастелян, обращаясь к королю, сказал ему:

— Я умоляю ваше величество отогнать мрачные мысли, надеть эту прекрасную порфиру и возложить на голову эту корону. Как народ будет знать, что вы король, если не будет на вас знаков вашего сана?

Юный король посмотрел на него.

— Разве, — спросил он: — не признают во мне короля, если не будет на мне этих знаков?

— Народ не признает, ваше величество! — ответил кастелян.

— Я думал, что в самом человеке выражается королевское достоинство, — ответил король: — но очень может быть, что вы и правы, а все-таки я не хочу носить это платье, я не надену на голову эту корону. Я хочу выйти из дворца таким, каким и вошел в него.

И он отпустил от себя придворных, задержав, для услуги, только одного молоденького пажа, годом моложе его и бывшего ему товарищем. Омывшись в свежей воде, он раскрыл большой крашеный сундук и вынул оттуда кожаную

рубашку и грубый плащ из бараньей шкуры, которые он носил, когда пас на холме стадо коз. Он надел их на себя и взял в руку толстую пастушью палку.

И маленький паж раскрыл в удивлении свои большие голубые глаза и сказал ему с улыбкой:

— Ваше величество, теперь у вас порфира и скипетр. А где же корона?

И юный король оторвал ветку дикой розы, вившуюся по балкону, согнул ее и сделал маленький венок, который и положил себе на голову.

— Это будет моей короной! — сказал он.

В таком наряде он прошел из комнаты в большую залу, где придворные ожидали его.

И придворные подошли к нему, и некоторые из них сказали:

— Ваше величество, народ ожидает увидеть короля, а увидит — нищего.

Другие возмущались и говорили:

— Он позорит двор! Он недостоин быть нашим государем!

Но он, не отвечая им ни слова, продолжал свой путь, спустился по сверкающей порфировой лестнице, прошел бронзовые двери и, сев на свою лошадь, отправился к собору: маленький паж бежал рядом с ним.

И народ смеялся, крича:

— Это королевский шут, вон на лошади-то! — и осыпал его насмешками.

И он остановил своего коня и сказал:

— Нет! Я сам король!

И он рассказал свои три сна.

Один человек вышел из толпы и, обращаясь к нему, и горечью сказал:

— Разве ваше величество не знаете, что роскошь богатого есть жизнь для бедного? Королевский блеск мешает умереть нам. — ваши пороки дают нам хлеб. Тяжело работать на сурового господина, но еще тяжелее — не иметь никакого господина, на кого надо бы работать. Уж не думает ли ваше величество, что короны принесут нам пищу? Впрочем, стоит ли и беспокоиться вам об этом? Скажете ли вы покупщику: «Покупай по такой-то цене»? и продавцу: «Продавай по такой-то цене»? Я думаю, что не скажете!

Вернитесь-ка во дворец, оденьтесь в свою порфиру и роскошное облачение! Что вы поделаете с нами и с нашими страданиями?

— Разве богатые и бедные не братья? — спросил юный король.

— О, да, братья, — ответил человек: — и имя богатому—Каин.

Глаза юного короля наполнились слезами, и он продолжал свой путь среди ропота толпы; молодой паж, поддавшись страху, оставил его.

И когда он подъехал к главным дверям собора, солдаты скрестили свои алебарды и сказали:

— Что тебе нужно здесь? Никто, кроме короля, не войдет в эти двери!

И его лицо загорелось гневом, и он сказал им:

— Я король! — оттолкнул алебарды и прошел.

И когда старый епископ увидел его в пастушеском одеянии, он встал, пораженный, с своего места и, сделав несколько шагов навстречу ему, сказал:

— Сын мой, королевский ли это вид? Какою короною увенчаю я тебя? Какой скипетр вложу я в руку твою? Сегодня день твоей радости, а не день унижения!

— Принесет ли Радость то, что откроет Скорбь? — сказал юный король.

И он рассказал епископу свои три сна.

И когда епископ дослушал его, он насупил брови и сказал:

— Сын мой, я старик, уже на склоне лет своих, и я знаю, что много злого совершается на белом свете. Свирепые разбойники совершают с гор набеги и похищают маленьких детей, чтоб продать их маврам. Львы залегают в песках пустыни, чтоб подкараулить караван и одним прыжком броситься на верблюда. Кабаны опустошают поля в долинах, и лисицы поедают виноград на холмах. Морские разбойники сеют ужас вдоль всего берега, сжигают суда рыбаков и захватывают их сети. В солончаках обитают прокаженные. Их жилища сплетены из тростника, и никто не может приблизиться к ним. Нищие бродят в городах и питаются вместе со псами. Можешь ли ты сделать, чтоб ничего этого не было? Положишь ли ты прокаженного рядом с собою, на постель свою? Посадишь ли ты нищего за твой стол? Лев смирится ли пред тобою, и кабан будет ли послушен приказу твоему? Всевышний, который создал несчастье, не более ли мудр, чем ты? Вот почему я прошу тебя вернуться в твой дворец, принять радостный видь и одеться в наряд,

подобающий королю. Тогда золотою короною я увенчаю тебя и скипетр, украшенный жемчугом. пложу в руку твою. А что касается снов твоих, забудь их! Ноша мира сего слишком велика для одного человека; страдания человечества слишком тяжелы для одного сердца!

— И ты говоришь это в храме! — воскликнул юный король и пошел вперед, мимо епископа, взошел по ступеням алтаря и остановился перед изображением Христа, держа в руках сосуды с вином и миром. Он опустился на колени перед изображением Христа. Пламя высоких подсвечников сверкало на украшенных драгоценными камнями оправах мощей, и дым кадил тонкими синими завитками поднимался к сводам. Он наклонил голову, как бы для молитвы, и священники в своих тяжелых ризах один за одним оставили алтарь.

И вдруг сильное смятение послышалось за стенами храма, на улице, и вошли вельможи, с обнаженными шпагами, с развевающимися султанами, с щитами из полированной стали.

— Где этот толкователь снов? — закричали они, — Где этот король, нарядившийся нищим? Где этот молодой шут, позорящий двор? Мы хотим разделаться с ним, потому что он недостоин царствовать над нами!

И юный король снова склонил голову и продолжал молиться, а когда кончил молитву, поднялся, обернулся и печальным взором посмотрел на них.

И вот сквозь многоцветные стекла окон лучи солнца озарили его и соткали ему порфиру прекраснее той, какая изготовлена была для коронования. И на его посохе зацвели лилии, белее жемчужин: на голове засохшая ветка ожила розами краснее рубинов!'Белее самых драгоценных жемчужин были лилии, и их стебельки были блестящего серебра. Краснее самых прекраснейших рубинов были розы, и их листья—кованого золота.

Он стоял там в облачении короля, и дверцы ковчегов с мощами открылись, и хрусталь чаши с Святыми Дарами засиял чудесным, таинственным светом. Он был там в королевском облачении, и слава Господня наполнила храм, и святые в своих нишах, казалось, ожили. В пышном королевским облачении стоял он, и раздавались громкие звуки органа, и звучали трубы, и дети хора пели.

И народ упал на колени, охваченный страхом: вельможи вложили шпаги в ножны и воздали честь королю; епископ побледнел, и руки его дрожали.

— Более властный, чем я, дал тебе корону! — воскликнул он и упал на колени перед ним.

И юный король сошел по ступеням алтаря и среди народа прошел во дворец. Но никто из этой толпы нн осмелился взглянуть на лицо его, потому что оно было ликом ангела.